

Трибуна аспиранта

УДК 101.3

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СЛОЖНОСТИ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

*А.В. Думов**

*ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Гуманитарный институт,
г. Красноярск, Россия
E-mail: avdumov@inbox.ru*

***Аннотация.** Рассматривается значение концепций аналитической философии в развитии философской рефлексии сложности. Несмотря на вовлеченность аналитической философии в исследование сложностных феноменов, таких как язык и сознание, отношение к самой сложности в рамках аналитико-философских исследований является своеобразным: для аналитической философии характерно критическое отношение к метафизическим проектам, в том числе — к метафизике сложности. На основании исследования специфики понимания сложностных феноменов в аналитико-философских исследованиях характеризуются возможности вовлечения аналитико-философских подходов в сферу рефлексии сложности. Делается вывод об обоснованности прогностических заключений некоторых исследователей о роли аналитической философии в развитии философии сложности и наук о сложном.*

***Ключевые слова:** сложность, аналитическая философия, философия сложности, эпистемология, метафизика сложности.*

Философское осмысление сложности представляет собой развивающуюся отрасль современного философского знания, пути развития которой остаются во многом неявными, вследствие чего множество аспектов содержания рефлексии сложности и форм ее осуществления являются актуальными объектами для исследования. Одним из таких проблемных полей исследования философии сложности является взаимодействие традиций философского мышления в рефлексии сложности. Внимание обращается на то, что большинство известных опытов философской рефлексии сложности базируется на понятийно-категориальных средствах и концепциях континентальной философии. К таковым, в частности, можно отнести исследование методологических возможностей в познании сложного и онтологии метода как такового, предпринятое Э. Мореном в работе «Метод. Природа природы», диалектико-материалистические опыты концептуализации сложности в рамках рефлексии проблем кибернетики и системного анализа, осуществленные В.С. Тюх-

*ДУМОВ Александр Витальевич — студент 3 курса бакалавриата, кафедра философии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

тиным, А.И. Уемовым, Е.А. Мамчур, А.Д. Урсулом и др., теорию социальной сложности М. Деланда, философскую рефлексию систем в работах Ю. Хуэя и множество других.

В то же время одним из принципов аксиологии сложностного мышления является диалогическая открытость, то есть основанное на признании имманентной неполноты знания и ограниченности эпистемических средств стремление к формированию того, что Э. Морен называет «самокритичной рациональностью» [1, с. 159] посредством непрерывного «обмена» концептуальными средствами и оценки собственной теоретической ориентации в ее взаимодействии с иными позициями. Возникает вопрос о том, является ли сложность предметом философской рефлексии лишь в рамках континентальной традиции? Если это так, то концепции сложности представляют собой нечто противоречивое и подчас абсурдное, поскольку всякое полагаемое ее сторонниками стремление к нередуктивному охвату сложности самого философствования является упрощающим уже ввиду ограниченности своих базовых установок. Но, конечно же, само существование философии сложности оказалось бы в таком случае излишним, и исследование данной проблематики прекратилось бы достаточно скоро, а сама она была бы предана забвению как недоразумение. Напротив, философские исследования сложности в различных ее проявлениях активно развиваются, и этим фактом иллюстрируется ее жизнеспособность и возможность действительной реализации ее принципов. В таком случае закономерными становятся следующие вопросы: какую роль в развитии философской рефлексии сложности играют исследования представителей аналитической традиции? В чем состоят характерные особенности понимания сложности в аналитической философии, и существует ли сложность как самостоятельный концепт в рамках направлений данной традиции? Каким образом развитие аналитической философии может способствовать прогрессу философской рефлексии сложности и конкретно-научным исследованиям сложных явлений и процессов? Данные вопросы и рассмотрим в настоящей статье.

Для того чтобы выяснить, каким образом сложность осмысливается в рамках аналитической философии, необходимо обратиться к существующим концепциям сложности и их содержанию. Начать следует с того, что подразумевается под сложностью представителями философии сложности как некоего самостоятельного тематически определенного поля развития философской мысли. Профессор Стелленбосского университета ЮАР, философ и исследователь сложности П. Сильерс определяет сложность в качестве совокупности характеристик системы, указывая на невозможность существования конкретного определения сложности [2, р. 2]. Им формируется определенный перечень областей, в которых мы можем наблюдать проявления системной сложности. К такому перечню он относит социум, человеческий мозг, язык, бактериальные микроорганизмы

(хотя данный пункт мог быть обобщен и до живых организмов в целом) [2, р. 3]. Отвечая на вопрос о той совокупности особенностей структуры системы и ее поведения, которая позволяет характеризовать такую систему как сложную, Сильерс выделяет следующие положения.

1. Сложная система состоит из большого количества элементов.

2. Само по себе большое количество элементов не является достаточным для характеристики системы как сложной: между элементами должно осуществляться динамичное взаимодействие (не только физическое, но и информационное и т.д.).

3. Любой элемент системы воздействует на остальные и сам находится под влиянием множества других. Однако состояние системы не определяется точным количеством взаимодействий, связанных с конкретными элементами.

4. Эти взаимодействия являются нелинейными, что также является предварительным условием сложности.

5. Взаимодействия обычно имеют короткий диапазон, то есть протекают между ближайшими элементами системы. Конечно же, это не препятствует всеобщему взаимовлиянию элементов, но налагает на него характерный отпечаток: влияние воздействия определяется ходом его трансляции.

6. Особенностью реализации взаимодействий также является петлеобразная структура: это могут быть петли отрицательной (подавляющей) и положительной (стимулирующей) обратной связи, и оба вида обратной связи важны для определения активности системы.

7. Сложные системы являются открытыми, четкое определение их границ зачастую является невозможным. «Ограничение» системы следует из задач исследования, зависит от положения наблюдателя и является теоретической условностью.

8. Сложные системы существуют в условиях, далеких от равновесия. Равновесие, по замечанию Сильерса, становится синонимом смерти.

9. Сложные системы обладают историей. Прошлое таких систем определяет настоящую и будущую картину их существования.

10. Конкретный элемент системы «не знает», что происходит с системой в целом. Ему доступна только направленная к нему и проходящая через него информация. Сложность рождается в результате реализации множества закономерностей взаимодействия между элементами [2, р. 3–5].

Определяя совокупность проявлений сложности и эпизодически указывая на истоки ее генезиса, Сильерс указывает на некоторые семантические аспекты понятия сложности, не эксплицируя его содержания в целом. Ситуация невозможности создания дефиниции сложности отмечается практически всеми исследователями сложности, однако нельзя сказать, что отказ от использования дефиниций и попыток их создания способствует разрешению данной ситуации.

Определенные попытки решения проблемы дефиниции сложности обнаруживаются в исследованиях французского философа и социолога Э. Морена. Им создаются философские метафоры, которые могут стать средством постижения семантического содержания сложности, что, в свою очередь, может способствовать созданию контекстуально применимых определений. Базовой метафорой сложности, по мысли Морена, является ткань, переплетение множества самостоятельных элементов, рождающее целостность. Сложность может быть понята как ткань событий, детерминаций, действий, случайностей, которые конституируют наш феноменальный мир [1, с. 86]. Но является очевидным тот факт, что не только для целей развития complexity science, но и для формирования философской рефлексии сложности одних только метафорических конструкций недостаточно. Будучи образами онтологии сложности, они передают ее «дух», но целостная картина сложности в ее онтологической и гносеологической модальностях ими не может быть представлена. Такие метафоры приводят к формированию интуитивного ощущения сложности, описанного А.М. Леоновым: раскрывается универсальность сложности и ее значимость для познания и управления [3, с. 7]. Тем самым сложности придается аксиологическое содержание, а знание о ней понимается как ценное, поскольку является сообразным ключевому свойству природы вещей.

Но возникает и определенный риск, связанный с пониманием содержания понятия сложности. Этот риск осознается и Мореном, когда он говорит, что термин «сложный» используется не для объяснения, но для указания на существование трудности в объяснении: «Слово служит для объяснения чего-то, что мы действительно не можем назвать, но что мы назовем «сложное»» [1, с. 214]. Подобное использование термина может привести (и естественным образом приводит) к формированию метафизики сложности, которая уже подразумевает некую редукцию мира к сложности, природы сложности к сложности природы, и при этом не способствует адекватному выявлению семантики понятия «сложность»: оно просто рассматривается как понятие ключевого свойства, определяющего структурные и функциональные особенности ряда систем. В данном случае понятие сложности можно с легкостью заменить любым другим, лишь бы только оно способствовало выражению некоего ощущения, возникающего при встрече познающего с «тайной» определенных предметов. При определенном усилии эта метафизика может даже конституироваться как религиозная. Ярким примером этого является способ понимания сложности, предложенный В.В. Налимовым: сложность определяется им как форма проявления сознания, и тем самым понятие сложности является только лишь инструментом для описания развития вселенского сознания [4, с. 103]. Очевидно, что о ценности подобных концептов сложности для науки говорить не приходится.

Яркие примеры существующих опасений относительно того, что концепт сложности может с легкостью утратить свою эвристическую силу для научного мышления, приводит профессор Портлендского государственного университета М. Митчелл: ею упоминается критическая статья Дж. Хоргана, в которой им отстаивается утверждение о незначительной ценности теории сложности для научного постижения действительности. Хорган отмечал возможность того, что на определенном уровне все так называемые сложные системы являются примерами проявления одних и тех же основных принципов, но ценность знания об этом им определяется как незначительная [5, р. 291]. Показательной является также и упоминаемая Митчелл позиция американского эколога Д. Гордона: ею высказывается мнение о том, что функция идей о сложности состоит в обозначении того, что не поддается объяснению, и потому для развития фундаментальной теории сложности как содержательно ценной для понимания всеобщих для сложных систем закономерностей необходимо исследование организационной и функциональной специфики конкретных систем [5, р. 294]. Резюмируя существующие проблемы наук о сложности, М. Митчелл отмечает отсутствие необходимого словаря для описания того, что ими изучается, вследствие чего отсутствует должная для языка науки строгость описаний [5, р. 301]. Подобные замечания демонстрируют то обстоятельство, что сфера наук о сложности испытывает потребность в критическом анализе тех языковых средств, которые используются ее представителями.

Исследование языка наук о сложности напрямую связано с постижением существующих возможностей описания того, что называется сложностью в языке. Ключевым объектом исследовательского интереса должно стать само понятие сложности и его смысл. И если целью данного исследования является достижение понимания возможностей языкового описания сложности и границ этих возможностей, то своеобразным философским кредо исследования должны стать слова Л. Витгенштейна: «Все, что может быть сказано, должно быть сказано четко, а то, о чем нельзя сказать, следует обойти молчанием» [6, с. 7]. В контексте задач философской рефлексии языка наук о сложности актуальное значение приобретают теоретические разработки представителей аналитической философии. Для того чтобы познание сложности реализовалось как научное, необходимо развитие соответствующих языковых средств, важным шагом которого является очищение языка науки от метафизических пропозиций. Подчеркиваемая М. Шликом тщетность усилий метафизиков выразить чистое качество, сущность вещи в предложении, приводит к тому, что они стремятся к невозможному, к выражению невыразимого [7, с. 31]. Само стремление при этом является иллюзорным, так как де-факто никакие познавательные цели подобным путем не достигаются, но осуществляется лишь порождение языковых конструкций, смысл которых оказывается неопределенным, равно как и практическая ценность их использования.

Наука о сложности как самостоятельная область познания в настоящее время находится лишь в стадии своего возникновения, свидетельством чего является и применимость к ней утверждения М. Шлика о том, что усилия становящихся дисциплин направлены на смысл собственных утверждений [7, с. 32]. Прояснение собственных фундаментальных понятий, создание того необходимого по словам М. Митчелл словаря является условием конституирования науки о сложности как автономной отрасли знания, но ее существенная зависимость от философского осмысления сложности на настоящий момент не позволяет говорить об ее самостоятельности. Сфера исследований сложности активно заимствует достижения философской рефлексии онтологической специфики сложных систем, особенностей деятельности познания, связанной с исследованием подобных систем. По своей форме заимствуемые достижения могут быть охарактеризованы как метафизические аналогии, имеющие в основном эвристическую ценность для развития дальнейшей рефлексии сложности, но не как конкретные способы ее обобщенного описания и представления. Примеры таких заимствований можно найти в цитируемом выше исследовании П. Сильерса. Он стремится аргументировать наличие у постструктуралистских и постмодернистских теорий внутренней «чувствительности» к сложности [2, р. 136]. Но с учетом отсутствия представления о том, что же такое сложность, можно заключить о том, что указание на то, что какие-либо философские концепции обладают таковой «чувствительностью», является произвольным. Конечно же, концепция краха метанарративов и утраты прежних способов легитимации знания, предложенная Ж.-Ф. Лиотаром, представляет ценность для понимания особенностей развития тех организационных трансформаций науки, которые привели к возможности возникновения областей междисциплинарных исследований, в частности — науки о сложности. Но предложенная Сильерсом аналогия между концепциями преобразования научного знания Лиотара и моделированием сложности в терминах сетей [2, р. 130] является декларативной и не имеет ценности для объяснения сложности, в том числе в ее эпистемологических проявлениях.

Существенное отличие аналитической философии состоит в понимании задач философии. И способ понимания, предлагаемый представителями аналитической традиции, сообразен задачам рефлексии языковых возможностей науки о сложности. В частности, А.Дж. Айер указывает на то, что задачей философии является поиск определений в употреблении. Под определением в употреблении имеется в виду определение не посредством указания на синоним, а с помощью иллюстрации возможностей перевода предложений, содержащих определяемый символ, в эквивалентные предложения, которые не содержат ни самого символа, ни его синонимов [8, с. 85]. Поиск такого рода определений является продуктивным: он устраняет путаницу, проистекающую из непонимания смысла некоторых типов предложений [8, с. 88].

Преимущество неявного определения состоит в том, что оно способствует прояснению содержания предложения, тогда как определение посредством приведения синонима зачастую не является удовлетворительным, так как синоним может быть настолько же содержательно неясным, как и определяемый через его нахождение символ. Актуальность вовлечения теоретических разработок представителей аналитико-философской традиции в контекст рефлексии сложности обуславливается непроясненностью вопроса о том, что имеется в виду, когда говорится об определении сложности. В данном вопросе трудно не согласиться с замечанием Б. Рассела о том, что сущность философствования состоит в переходе от неопределенности и двусмысленности к ясности и уверенности [9, с. 124]. В противном случае становится неясно, на что именно направлена философская рефлексия сложности и в чем состоит ее ценность, а следовательно, возникает вопрос о том, чем она является. Очевидно, что если мы признаем, что цель рефлексии сложности не состоит в развитии совокупности определенных знаний о нем, то тем самым мы утверждаем бессмысленность данной деятельности.

Неопределенность и неоднозначность присутствуют во множестве исходных конструкций, встречающихся в обсуждении того, что называется сложностью. В первую очередь, следует проанализировать высказывания о сложности как о феномене, примеры которых можно обнаружить в отечественных философских исследованиях сложности [10]. Непосредственно кантианский смысл данного термина состоит в рассмотрении предмета как явления, данного как чувственно воспринимаемое, и при этом отличаемого от его свойств самих по себе [11, с. 291]. Феномены являются предметами возможного опыта, тогда как сущность вещей самих по себе относится к миру ноуменального. Поскольку о сложности чаще всего говорится как о чем-то таком, что определяет природу явления, чем детерминируется его поведение, то отнести сложность к феноменам в кантианском смысле этого слова в действительности невозможно, так как сложность, понимаемая таким образом, не может быть дана в чувственном созерцании. Существенно больший интерес представляет понимание феномена, предложенное Ф. Brentano: им предлагается разграничение психических и физических феноменов, о самом же феномене он утверждает как о чем-то данном в опыте. Под психическими феноменами им подразумевается любой акт представления, возникающий через ощущение или фантазию и характеризующийся существованием в нем интенционального объекта, а под физическим – те, которые выступают в ощущении и не имеют интенционального содержания, поскольку сами составляют объект интенциональности [12, с. 42–43].

Закономерным является вопрос о том, к какого рода феноменам может быть отнесена сложность, понимаемая как феномен. С одной стороны, существует позиция, согласно которой сложность является тем, что стимулирует

познавательную деятельность человека [10], то есть является объективным фактором, воздействующим на развитие познания, однако попытка свести сложность к физическому феномену приводит к необходимости существенного ограничения данного понятия и, следовательно, исключает необходимость употребления самого термина «сложность». Из описаний сложности постигаемого необходимо будет вычлениить то, что ощущается как сложность. Если же сложность является тем, что Брентано называет психическим феноменом, то она дана исключительно в восприятии состояний сознания как нечто непосредственное и очевидное. В таком случае становится необъяснимой череда затруднений в определении сложности, испытываемая практически каждым автором, касающимся ее осмысления. Итак, феноменальность предполагает данность. Учитывая множественные проблемами рефлексии сложности, в особенности — связанные с ее определением, можно заключить о том, что сложность не дана, она не является феноменом и лежит за пределами возможного опыта. Многообразные проявления того, что называется сложностью (например, перечисленные П. Сильерсом или метафорически описываемые Э. Мореном) не позволяют говорить о самой сложности как таковой, поскольку она лежит за пределами языковых возможностей. Философская рефлексия сложности превращается в стремление к созданию языковых конструкций, способных передать «мистический опыт» переживания того, что называется сложностью. Такая философия сложности развивается как новая формы эзотеризма, деятельность которой отстранена от целей наук о сложном.

Причина данного расхождения между развитием философской рефлексии сложности и исследовательскими целями наук о сложном коренится в том, что само понимание сущности и задач философии не соответствует актуальным запросам науки. Следует признать, что метафизические концепции сложности не имеют ценности для развития научных исследований сложных феноменов: их цель состоит в том, чтобы развивать представления о сложности как о фундаментальном онтологическом основании реальности, и содержание понятия сложности в данном случае значительно отличается от эксплицируемого в конкретно-научных исследованиях. Ф. Рамсей, один из видных представителей аналитической философии, определяет в качестве задачи философии решение проблем, возникающих при определении частных терминов и при прояснении отношения терминов физического мира к терминам опыта [13, с. 40]. Для того чтобы философия сложности могла быть актуализирована как философия наук о сложном, необходима трансформация ее теоретических и методологических установок: от обсуждения сложности в терминах феномена необходимо перейти к рефлексии сложности как символа. От поиска языковых средств для конструирования метафизики сложности и ответа на вопрос «Что такое сложность?» необходимо перейти к исследованию того, почему нечто обозначается как сложное. Анализ языка

рефлексии сложного в философии и различных конкретно научных отраслях может способствовать прояснению содержания понятия сложности. Исследования представителей аналитической традиции в философии являются важнейшим методологическим источником для решения этой задачи.

Понимание действительной бессодержательности метафизических псевдопроблем, связанных с понятием сложности, а также строгость в выборе используемой терминологии, свойственные аналитической философии, вызывают ее явное, либо скрытое неприятие некоторыми представителями исследований сложности: так, П. Сильерс прямо утверждает о недостаточной чувствительности аналитической философии к динамике сложных систем [2, р. 142]. Основываясь на положениях исследования, осуществленного П. Сильерсом, М. Верманн приходит к выводу о том, что философская рефлексия сложности и научные исследования сложности – совершенно различные по своим фундаментальным теоретическим установкам и целям отрасли знания, общую историю которых зачастую трудно проследить [14, р. 2]. Подобная позиция де-факто подразумевает отказ от исследования действительных проблем, связанных с концептуализацией сложности, поскольку сложность из предмета исследований превращается в поле развития спекуляций и термин для обозначения неопределенного круга явлений и их свойств, постепенно утрачивающий свою научную ценность и эвристический потенциал. Этим обстоятельством обуславливается правомерность прогностических заключений А.М. Леонова о возможности привлечения достижений аналитической традиции философской мысли в контекст исследований сложности [15, с. 32]. От критического осмысления и анализа используемых языковых средств зависит жизнеспособность философии сложности как философии наук о сложном, и в конечном итоге — реализация ее собственных идеалов диалогического взаимодействия подходов и отраслей знания.

Список литературы

1. Морен, Э. О сложности / Э. Морэн. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019. – 272 с.
2. Cilliers, P. Complexity and Postmodernism: Understanding Complex Systems / P. Cilliers. – London: Routledge, 1998. – 168 p.
3. Леонов, А.М. Познание сложности: введение в философию х-науки / А.М. Леонов. – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2002. – 222 с.
4. Налимов, В.В. В поисках иных смыслов / В.В. Налимов. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.
5. Mitchell, M. Complexity: A Guided Tour / M. Mitchell. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 368 p.
6. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 160 с.
7. Аналитическая философия: Избранные тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 181 с.

8. Айер, Дж.А. Язык, истина и логика / Дж.А. Айер. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. – 240 с.
9. Рассел, Б. Избранные труды / Б. Рассел. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. – 260 с.
10. Ополев, П.В. Проблемы определения антропокультурной сложности / П.В. Ополев // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. – № 10. – 2018.
11. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 784 с.
12. Brentano, F. Избранные работы / Ф. Brentano. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. – 176 с.
13. Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – 528 с.
14. Woermann, M. Bridging Complexity and Post-Structuralism. Insights and Implications. Springer International Publishing, 2016. – 216 p.
15. Леонов, А.М. Эпистемология сложности в контексте компьютерных наук: автореф. дис. д-ра филос. наук / А.М. Леонов. – Якутск: Якутск. гос. университет, 2006. – 35 с.

CONCEPTUALIZATION OF COMPLEXITY AND ANALYTICAL PHILOSOPHY

*A. V. Dumov**

Siberian Federal University, Humanitarian institute, Krasnoyarsk, Russia

E-mail: avdumov@inbox.ru

***Abstract.** The author examines the importance of the analytical philosophy's concepts in the development of philosophical reflection on the complexity. Despite the analytical philosophy's involvement in the study of complex phenomena, such as language and consciousness, the attitude to complexity itself in the framework of analytical and philosophical research is peculiar: analytical philosophy is characterized by a critical attitude towards any metaphysical projects, including the metaphysics of complexity. On the basis of the study of the particularity of understanding complex phenomena specifics in analytical and philosophical studies, the author analyzes the possibilities of involving the analytic and philosophical approaches in the reflection on complexity. It is concluded with the validity of prognostic findings of some researchers about the role of analytic philosophy in the development of the philosophy and science of the complexity.*

***Keywords:** complexity, analytical philosophy, philosophy of complexity, epistemology, metaphysics of complexity.*

**Dumov Alexander Vitalievich – undergraduate student of 3rd course, Department of Philosophy, Humanitarian Institute, Siberian Federal University.*